

С.В. Ефимов (Санкт-Петербург)

КЛИНКИ ВОЗМЕЗДИЯ (МЕЧИ ПРАВОСУДИЯ И МЕЧИ ПАЛАЧЕЙ XVI–XVII ВЕКОВ)

В ОРУЖЕЙНЫХ СОБРАНИЯХ мира наряду с разнообразным клинковым оружием представлены небоевые мечи, которые традиционно называют «мечами правосудия». Именно с таким оружием еще древние греки изображали Немезиду – крылатую богиню возмездия¹. Несколько экземпляров мечей правосудия экспонируются в Военно-историческом музее артиллерии, инженерных войск и войск связи.

В Средние века обезглавливание, как правило, осуществлялось топором. Меч применяли во время казней знатных дворян и аристократов, поскольку это оружие считалось «благородным», «рыцарским», в отличие от грубого «крестьянского» топора. Кроме того, имелись и практические причины. Меч обладал другой геометрией клинка, нежели топор, рез был чище, осужденный испытывал меньше мучений. Ситуация изменилась в XVI в., когда преступников даже из бюргерского сословия все чаще стали обезглавливать мечом. В это время был разработан специальный тип меча для палачей.

Между тем необходимо различать собственно меч палача (англ. *executioner's sword / the sword of the executioner*) и меч правосудия (англ. *the sword of justice*; нем. *Richtschwert*, буквально «судейский меч», «меч судьбы»). Последний не столько использовался при экзекуциях, сколько носил церемониальные функции². Постепенно это значение перешло и на палаческий меч, поскольку в средневековые обязанности палача иногда выполнял один из судей, чаще всего младший по возрасту, либо обвинитель. Назывался этот судья «*Der Scharfrichter*» («*der mit der Schärfe des Schwertes richtende*») – тот который судит острием ме-

**Судья выносит меч правосудия. Гравюра.
1500 г.**

**Богиня правосудия.
Художник Лукас
Кранах Старший.
1534 г.**

ча. Таким образом, в XVI–XVIII вв. «меч правосудия» означал и судейский, и палаческий мечи.

Церемониальный меч правосудия находился в помещении суда, его несли во время судебных процессий и шествий к месту казни. В этом случае судья нес меч прямо перед собой, чтобы показать свою власть над жизнью и смертью осужденного. На одной из немецких гравюр 1500 г. судья изображен стоящим с мечом в руке перед преступниками, закованными в ножные колодки.

Например, глава судейской палаты Нюрнберга, объявляя приговор, сидел на возвышении, держа при этом в левой руке белый жезл, а в правой меч правосудия с двумя латными перчатками, привязанными к рукояти. На рисунке (1575) из собрания

Баварского исторического музея судья также представлен сидящим на высоком кресле. На коленях он держит наполовину вынутый из ножен меч правосудия. Однако в иконографии конца XVI–XVII вв. судей все чаще изображают уже не с мечом в руке, а с жезлом в виде трости.

Меч правосудия лежит у ног английской королевы Елизаветы I Тюдор на парадном портрете кисти художника Маркус Ги-

рертс Старшего, относящемся к 1580–1585 гг. Он представляет собой меч в полторы руки, с богато украшенной рукоятью. Клинок вложен в красного цвета ножны.

В 2008 г. на аукционе «*Peter Finer*» в Лондоне был продан великолепной работы уникальный меч правосудия из собрания герцогов Брауншвейг-Вольфенбюттельских – основателей Ганноверской королевской династии. Меч датирован 1664 г. и изготовлен золлингенским оружейником – родственником или учеником мастера Питера Муниха Старшего (1580–1651), о чем свидетельствует клеймо в виде головы архиепископа в митре. Тончайшей рабо-

Судья объявляет приговор.
Рисунок. 1575 г.

ты рукоять меча и тонкая гравировка по клинку свидетельствуют о высочайшем мастерстве оружейника. Затупленный конец меча указывает на небоевое назначение оружия. На клинке, помимо военной арматуры, выгравированы две надписи на латыни. Первая гласит: «*Omnia si perdas famam servare memento; quia semel amissa postea nullus eris*» («Что бы ты ни потерял, помни о долге хранить доброе имя, которое, однажды потеряв, никогда не восстановишь»). Вторая представляет собой цитату из «Энеиды» Вергилия: «*Nulla salus bello: pacem te poscimus omnes*» («Нет

блага в войне, все мы просим у тебя мира»)). Существует русское толкование этого выражения «Худой мир лучше доброй ссоры». Кроме того, на клинке изображены герои Троянской войны Ахилл и Гектор. Скорее всего, меч правосудия принадлежал высокопоставленному лицу, обладающему полнотой судебной власти – возможно, самому герцогу. Сцена из «Илиады» присутствует на мече не случайно. Ахиллес совершил правосудие, отомстив в поединке за смерть своего друга Патрокла и убив троянского царевича Гектора³.

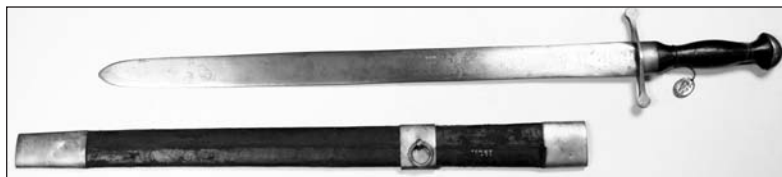

**Английская королева Елизавета I Тюдор.
Художник Маркус Гирертс Старший.
1580–1585 гг.**

В королевской сокровищнице в лондонском Тауэре хранятся три меча – «меч милосердия», «меч духовного правосудия» и «меч мирского правосудия». Они стали частью церемонии коронации начиная с Карла I (в 1626 г.) и чудом пережили английскую революцию. Самый главный из них – затупленный меч милосердия, меч Святого Эдуарда, который еще называют «Куртана» (в старинных поэмах упоминается отважный Ожье Датчанин, который однажды попытался, из мести, убить сына Карла Великого, однако его меч сломался – Бог дал ему понять, что нужно проявить милосердие, этот меч тоже называется «Куртана», «укороченный»). Меч с таким названием упоминается уже в описании брачной церемонии короля Генриха III в 1236 г. Меч духовного правосудия уже, и хотя заточен, но не заострен. Самый же острый и узкий – меч мирского правосудия. Рукояти

всех трех покрыты золотом, стальные клинки изготовлены, вероятно, в XI в., но позднее подвергались переделке. В коронационной процессии впереди несут меч милосердия, справа и слева – мечи правосудия, после этого – государственный меч, а уже далее следуют скипетр, корона и держава⁴.

К церемониальным мечам правосудия можно отнести немецкий меч из собрания Военно-исторического музея артиллерии, инженерных войск и войск связи (Инв. № 0108/172). На его лезвии сохранилось полустертое изображение богини правосудия с завязанными глазами, мечом и весами в руках, выполненной в стиле маньеризма первой трети XVII в. Под изображением надпись «CRISTIS DU HAST DEIN RICHTER FURTH»

Меч правосудия. На клинке изображение богини правосудия (Немезиды) и надпись «CRISTIS DU HAST DEIN RICHTER FURTH» («Христос, ты направляешь своего судью»).
Германия. XVII в. ВИМАИВиВС. Инв. № 0108/172

(«Христос, ты направляешь своего судью»). Общая длина меча – 84,8 см, длина рукояти – 23 см, ширина клинка – 5,8 см. Следует отметить, что конец меча не затуплен. Сохранившиеся ножны меча, вероятно, более позднего происхождения.

Как правило, и церемониальные мечи правосудия, и мечи палачей были богато украшены назидательными сюжетами и соответствующими надписями. Поэтому очень часто просто невозможно определить, являлся ли меч «судейским» или же «палаческим». Мечи правосудия принадлежали органам судебной власти, в то время как меч палача чаще всего был его личной собственностью, своеобразным рабочим инструментом, передававшимся от отца к сыну. Тем не менее, палач старался обзавестись качественным и надежным клинком работы известного мастера.

На большинстве таких мечей сохранились надписи и символы, напоминавшие о мрачном предназначении этого оружия. На клинке часто изображали виселицу с повешенным, колесо для казни колесованием, распятие, страдающую Деву Марию, Святую Екатерину и т. п. Нередко на мече писали имя его владельца – палача, а также цитаты из Библии или моралистические стихи:

*Если я сей меч поднимаю, То грешнику вечной жизни желаю;
Смертельным ударом моим поражен, В небесное царство отправится он.*

Или:

*Нашедший это, Потеряет прежде, чем найдет. Купивший это,
Ограблен будет прежде, чем купит. Он умрет, Прежде чем состарится⁵.*

По сведениям оружейведа Томаса Лайбле, самый ранний из сохранившихся мечей палача относится к 1540 г. Большинство из дошедших до нашего времени палаческих мечей изготовлены в XVII в.⁶

К началу XIX в. они вышли из употребления, хотя в Германии последний раз такой меч применили в 1893 г., обезглавив отравительницу⁷.

В собрании Королевской оружейной палаты (*Royal Armouries*, Лондон) хранятся два палаческих меча. На одном из них, датированном 1674 г., четыре гравированных миниатюры изображают различные казни – колесование, повешение за ребро, посаже-

ние на кол и обезглавливание. Все это сопровождается строками из лютеранского гимна:

Я живу, но не знаю, сколько еще проживу, я умру, но не знаю когда, я иду, но не знаю, куда. Не знаю, доволен ли я.

На другом мече сохранились надписи: «Когда я поднимаю этот меч, я желаю грешнику вечной жизни. Правители выносят приговор, а я исполняю его» и изображение колеса на столбе⁸.

Кроме назидательных надписей на мечах правосудия, как и на боевых мечах, часто встречаются клейма и фамилии изготовителей, что свидетельствует о качестве клинка и его высокой стоимости.

В 2006 г. на аукционе в Голландии были проданы два меча палачей. Один из них работы известного оружейника Клеменса Горна (Хорна, 1590–1625), об этом свидетельствует надпись на клинке – «CLEMENS HORN ME FECIT SOLINGEN». На богато украшенном растительным орнаментом клинке изображены герб города Целле, виселица в виде буквы «Г» и колесо. Обезглавливание было почетной казнью по сравнению с повешением и несравненно менее мучительной, чем колесование. Изображение орудий казни напоминает и преступнику, и зрителям, что все могло быть гораздо хуже и злодей отделался всего лишь усекновением головы. На клинке также имеется надпись: «Когда я поднимаю этот меч, я желаю вечной жизни грешнику»⁹. Мастер Йоханнес Бойгель на плоскостях меча (1676) выгравировал назидательные рифмованные строки: «Коль будешь в добродетели жить, мечу правосудия головы твоей не рубить»

Другой меч, выставленный на продажу, был изготовлен известным оружейником Йоханнесом Вундесом (1580–1625). На клинке стоят три его клейма – три головы короля. С одной стороны богато украшенного клинка изображена богиня Правосудия, с другой – колесо на столбе и П-образная виселица. Имеется также надпись: «Долги страдания на колесе и в петле, поэтому скорее подставь мне свою шею, и, когда я нанесу тебе смертельный удар, ты тотчас же отправишься на небеса»¹⁰.

На мече кенигсбергского палача, ныне хранящемся в собрании Национального музея истории Украины, выгравирована надпись на немецком языке, указывающая имя мастера: «Якоб Стафтер [из] Ольдесло в год 1683 // Моя надежда, единый Господь, и слава Господня».

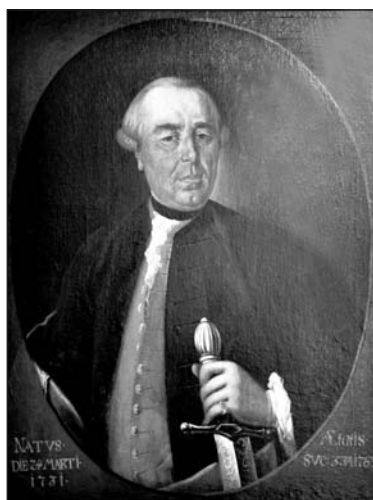
На некоторых мечах сохранились имена их владельцев. Так, например, на аукционе артефактов немецкой истории в Мюнхене в 2004 г. был продан меч с надписью по-немецки: «Мерт Хекель, палач. Лето господне 1692. Я служу правосудию и закону» и гравированной сценой усекновения головы.

Мечи палачей изображали на портретах их владельцев. Так, например, нюрнбергский палач Андреас Боркх, одетый в парадный камзол с кружевами, держит меч клинком вверх. Другой палач – Иоганн Георг Байер – с суровым лицом и тяжелым мрачным взглядом смотрит на зрителя с портрета 1783 г., держа меч клинком вниз.

Иногда на мечах для экзекуций делали своеобразные мемориальные надписи. В Королевской Оружейной палате в Стокгольме хранится меч с надписью на клинке: «Этим мечом по приказу короля Карла IX отрубили голову единственному сыну королевского советника и генерал-губернатора Финляндии Класа Флеминга Старшего». Эта надпись связана с воору-

**Нюрнбергский палач Андреас Боркх.
Неизвестный художник. Конец XVII в.**

**Палач Иоганн Георг Байер.
Неизвестный художник. 1783 г.**

женным конфликтом между герцогом Карлом (будущим королем) и его дядей, королем Сигизмундом. В результате противостояния Сигизмунд вынужден был покинуть Швецию и бежать в свое второе королевство – Польшу. Однако его сторонники в Швеции и Финляндии продолжали борьбу. Финская часть королевства находилась в управлении друга короля Класа Флеминга, опорной базой которого был замок Або (совр. Турку). Продолжалась гражданская война и после смерти Флеминга весной 1597 г. Когда войска герцога Карла в 1599 г. захватили Або, то между прочими попал в плен и двадцатилетний сын Флеминга – Юхан. Вместе с дюжиной других, верных королю финских дворян он был обезглавлен на площади в Або 10 ноября того же года. В дальнейшем этот меч использовался для казней и хранился в поместье Орста близ Стокгольма¹¹.

Форма мечей для экзекуций оставалась неизменной до XVIII в., когда они вышли из употребления. Почти все палаческие мечи отличаются широким обоюдоострым клинком, иногда с долом, иногда с ребром жесткости. Различия мечей наблюдаются в деталях декора и в длине. Клинок у острия был закругленным, но чаще всего тупым, так как по своему назначению этот меч не использовался для нанесения колющих ударов¹².

Мечи для обезглавливания имели почти «бритвенную» заточку. И это не удивительно: отрубить голову требовалось с одного удара. Кроме того, меч должен был быть хорошо сбалансированным и послушным своему владельцу. Палач наносил удар в определенное место. Поскольку приговоренный мог в последний момент дернуться или отшатнуться, палач должен был уметь подпра-

Палач точит меч. Гравюра. Вторая половина XVI в.

Казнь гугенотов в Амбуазе в 1560 г. Гравюра. Конец XVI в.

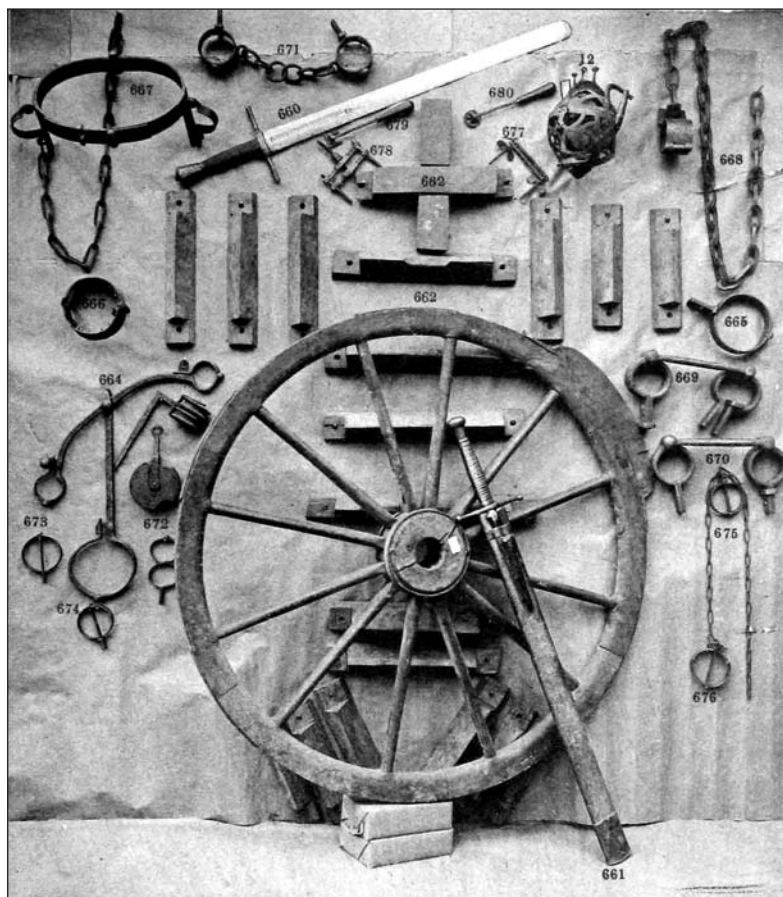
вить траекторию движения меча уже во время удара, т. е. в самый последний момент. Чтобы меч не затуплялся, осужденному обнажали шею и плечи, отрезали длинные волосы или убирали их под шапку или чепец (для женщин). Тем не менее, при массовых казнях палач должен был иметь несколько запасных мечей, поскольку после двух-трех обезглавливаний клинок затуплялся. Так, во время казни руководителей антигабсбургского восстания в Праге, палач сменил четыре меча, обезглавив при этом 21 человека.

Парижский палач Сансон¹³ рассказывал, что «после каждой казни лезвие меча не находится больше в надлежащем состоянии для совершения следующей. Меч надо снова направлять и оттачивать, и если казнь должна быть совершена над несколькими, то надо иметь достаточное количество заготовленных мечей. Это создает большие трудности и расходы. Часто случалось, что мечи ломались при подобных казнях». Сансон также отмечал, что лично он владеет двумя мечами, дарованными ему парижским парламентом, причем стоят они по 600 ливров за штуку.

Размер меча в среднем составлял от 80 до 150 см в длину (наиболее распространенной была длина меча в пределах 100–110 см), а ширина клинка от 4–8 см. Весил такой меч от 1,7

до 2,3 кг. Впрочем, единых стандартов, естественно, не было. Размеры меча были индивидуальны для каждого отдельного палача и зависели от его роста и физических возможностей.

«Это орудие было четырех футов длины, с тонким, но довольно широким клинком. Конец меча был округлен, а в середине клинка находилось углубление, в котором было вырезано слово “Правосудие”. Рукоять меча была сделана из кованого железа и имела около десяти дюймов длины» – так описан меч

Палаческие орудия из собрания Рудольфа Бетхольда в Дрездене.
Фотография 1885 г.

для экзекуций в «Мемуарах» знаменитого французского палача Сансона.

Иногда у острия делалось отверстие для того, чтобы меч можно было повесить на стену. По ничем не подтверждаемым сведениям, относящимся к XVIII в., в это отверстие палачи вкладывали свинцовую пулю, чем увеличивали силу и тяжесть удара. В некоторых мечах якобы имелась также полость, заполненная до половины ртутью. При ударе, в результате центробежного ускорения, ртуть с силой стремилась к острию меча и значительно повышала его мощь¹⁴. Была также распространена легенда о том, что меч палача после 100 казней необходимо было похоронить в земле, как испивший слишком много крови¹⁵.

Рукоять меча была на полтора-два захвата (как у меча-бастарда), а в ранних экземплярах иногда снабжалась бубенчиками.

Как правило, меч палача не имел ножен, но в том случае, если они были, к ним часто прилагались дополнительные отделения для ножей, которые также применялись при совершении казни, особенно квалифицированной (потрошения, отрезания частей тела, сдирания кожи и т. д.). Такие ножны видны на фотографии 1885 г. палаческих орудий из собрания Рудольфа Бетхольда в Дрездене. На ножнах меча палача, прислоненного к колесу для раздробления конечностей, видны дополнительные небольшие

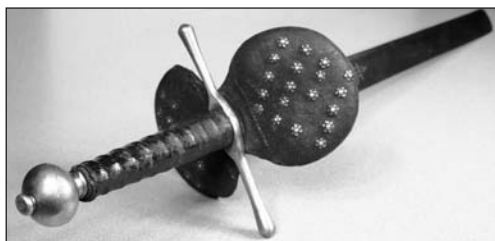
**Различные виды наказаний и казни.
Немецкая гравюра XVI в.**

Казни. Гравюра из книги Ж. Милле «Криминальная практика».
Париж. 1541 г.

ножны, где находятся ножи. В 2014 г. на аукционе «Thomas Del Mag» в Лондоне был продан меч палача с ножнами (в плохой сохранности), в которых сохранился футляр для ножа¹⁶.

Один из палаческих мечей (Инв. № 0108/141), хранящихся в ВИМАИВиВС, изготовлен известным оружейным мастером Петером Клотом (*Klote, Knote, Klots, Klauts, Keute*), работавшим в Золингене (1638–1657, 1661–1662), Цюрихе (1662–1664) и даже в Москве (1657–1661)¹⁷. О его авторстве свидетельствует надпись «PETER KLOT» на лезвии клинка¹⁸. Общая длина меча – 106,7 см, длина клинка – 83,7 см, ширина клинка – 4,8 см.

**Меч палача работы мастера Петера Клода.
Германия. 1630–1660-е гг. ВИМАИВиВС.
Инв. № 0108/141**

**Клеймо Петера Клода из г. Золингена
на клинке меча**

Ниже долов с обеих сторон меч покрыт резным орнаментом. Под крестовиной рукояти закреплены две подвижные кожаные подушечки, украшенные накладными металлическими розетками – по 16 штук на каждой подушечке. Они образуют так называемый срединный щиток (нем. *Mit eleisen*). На боевых мечах щитки чаще всего представляли собой кусок кожи, разделенный на два широких лепестка. В

отверстие в центре вставлялась рукоять таким образом, чтобы лепестки с обеих сторон покрывали пятку на клинке у хвостовика. Внешние стороны лепестков часто украшались латунными гвоздиками или полностью обивались латуной. Щиток предохранял хвостовик от сырости и ржавчины.

Подушечки на мечах палача носят, скорее всего, декоративную функцию, а также защищают ножны меча и, возможно, дополнительные футляры (отделения) на них для инструментов палача от попадания влаги сверху. Как правило, в таких отделени-

**Казнь
Святого Иоанна Предтечи.
Гравюра Лукаса Кранаха.
1509 г.**

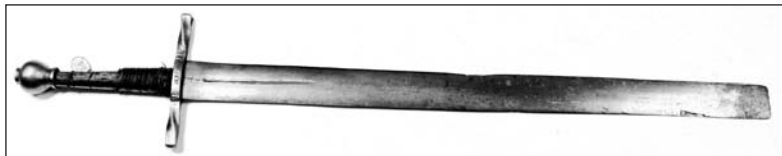

**Казнь Святого Иоанна Предтечи.
Гравюра XVI в.**

ях хранились 2-3 ножа, которые, как отмечалось выше, служили для особых способов смертной казни, предусматривающих предварительное членовредительство – урезание языка, носа, ушей и т. п.¹⁹ Предположение о том, что подушечки закрывали руки палача от брызг крови, представляется несостоятельным²⁰.

Другой меч (Инв. № 0108/127), хранящийся в музее, судя по дате, выбитой на крестовине, был изготовлен в 1687 г. предположительно в Саксонии. Его деревянная рукоять сильно повреждена. С обеих сторон верхней части клинка выбиты три креста. Общая длина меча – 86 см, длина рукояти – 24 см, ширина клинка – 6 см. На клинке имеется характерная истертость в том месте, где удар клинка приходился по шее осужденного.

Казнь через обезглавливание мечом была распространена в германских землях, Франции, Фландрии, Испанских Нидерландах и Голландии. Реже меч использовали в Швеции и Речи Посполитой²¹. В Германии казни через обезглавливание мечом очень часто подвергались приговоренные к сожжению на костре

Меч палача. Саксония (?). 1687 г. ВИМАИВиВС. Инв. № 0108/127

ведьмы и колдуньи. Во время настоящей охоты на ведьм, организованной князьями-архиепископами Вюрцбурга и Бамберга в конце 1620-х – 1631 гг., приговоренным к смерти на костре сначала отрубали голову мечом и лишь затем сжигали их тела²².

В протестантской Пруссии с ведьмами поступали аналогичным образом. При этом палач должен был проявить все свое искусство. Если ему не удавалось обезглавить преступницу с первого раза, то толпа зрителей могла забросать его камнями. Во время казни неких Сюзанны и Ильзы, приговоренных к смерти за любовную связь с дьяволом, палач попросил охрану на тот случай, если ему не удастся обезглавить обеих женщин одинаково удачно²³.

Последней ведьмой, казненной в Западной Европе через обезглавливание, была служанка Анна Гельдин из г. Гларуса в одном из швейцарских кантонов. Ее ложно обвинили в том, что она насылала порчу на хозяйскую дочь, и казнили в 1782 г.²⁴

Отсечение головы считалось смягчением приговора – «милосердием меча». В 1617 г. во Франции к сожжению на костре была приговорена придворная дама Леонора (Элеонора) Галигаи, якобы околдовавшая королеву Марию Медичи. Злые языки говорили, что единственная вина несчастной состояла в колоссальном богатстве, оставшемся ей после смерти мужа маршала д'Анкара (Кончини). Фаворит Людовика XIII Альберт де Люинь с целью завладеть имуществом Галигаи хотел обвинить ее в

Обезглавливание Леоноры Галигаи. Фрагмент гравюры. 1617 г.

соучастию в убийстве Генриха IV. Когда это не удалось, он воспользовался тем, что суеверная женщина иногда гадала на внутренностях животных, и приписал ей занятия колдовством. За оскорбление королевской и божественной власти Леонору приговорили к смерти. По приказу короля сначала ей «милосердно» отрубили голову и лишь затем бросили в костер²⁵.

Казнь с использованием меча требовала высокого мастерства. Палачу необходимо было точно нанести удар, чаще всего в горизонтальной плоскости. Если осужденный в последний момент дергался или пытался вырваться, меч мог попасть ниже или выше шеи, что привело бы к дополнительным страданиям.

Опытные палачи пользовались мечом очень искусно. Так, маршал Арман де Гонто де Бирон (1524–1592), казненный во Франции при Генрихе IV, стоя что-то говорил народу, оживленно жестикулируя, когда палач вдруг снес ему голову одним ударом.

Неумелый же палач рисковал испытать на себе весь гнев зрителей. Одного такого палача в 1509 г. забросали до смерти камнями.

ми в Пражском замке²⁶. В 1626 г. при казни Анри де Талейрана-Перигора, графа де Шале (1559–1626) палач смог отрубить ему голову только с 34-й попытки. Причем после двадцать девятого удара мечом граф еще подавал признаки жизни. Сам несчастный граф стал по сути дела «стрелочником» в заговоре против Людовика XIII, в котором участвовали брат короля принц Гастон Орлеанский, королева Анна Австрийская и герцогиня де Шеврез и др. Высокопоставленные заговорщики избежали плачевной участи, и легкомысленный Гастон решил помочь своему другу, приговоренному к обезглавливанию, весьма оригинальным способом. Профессионального палача, спешившего в Нант, где должна была совершиться казнь, дружки принца перехватили по дороге и напоили вусмерть, в результате чего он оказался неспособен исполнить свои обязанности. Правосудие это не остановило: в тюрьме нашли висельника, который согласился купить себе жизнь ценой грязной работы.

Палач показывает толпе отрубленную голову. Фрагмент картины XVI в.

Тупой меч никто и не подумал наточить. Удар сыпался за ударом, толпа роптала. Даже гвардейцы охраны выказывали свое возмущение. Кто-то бросил на эшафот долото с криком: «Эй, держи! Может быть, хоть этим доконаешь!». После двадцати с лишним ударов меча граф Шале все еще кричал. Казнь превратилась в кровавую и отвратительную бойню²⁷.

Во время казни заговорщиков Анри Куаффье де Рюзе, маркиза де Сен-Мара (1620–1642) и Франсуа-Огюста де Ту (1607–1642) другой уже палач оказался таким же неумехой. Ему не удалось с первого удара отрубить голову де Ту, тогда он стал мечом пе-

Обезглавливание. Миниатюра из «Парижской хроники». XV в.

репиливать горло. Голова отскочила и упала на землю. Какой-то мастеровой в первых рядах забросил ее обратно на эшафот.

Сен-Мару первый удар меча пришелся по лбу, второй отбросил его на эшафот. Палач, как мясник в лавке, продолжал рубить лежащего навзничь осужденного. Только после пятого удара ему удалось отделить голову от тела²⁸.

Одним из неумелых экзекуторов был Вальтер Дёссер – палач в Бамберге в 1641 г. Он должен был казнить одну несчастную. Вот что об этом сказано в городских хрониках: «Бедная грешница была больна и слаба. Поэтому ее должны были привезти к эшафоту. Когда она села на стул, мастер Вальтер – палач – начал

**Л. Кранах. Обезглавливание Святого
Иоанна Предтечи. Начало XVI в.**

ходить вокруг нее, как кот ходит вокруг горячей похлебки. Он поднял меч, прицелился и нанес удар, но не попал по шее, а лишь отрубил маленький кусочек черепа, размером с монету. Бедняжка поднялась, поскольку удар не причинил ей почти никакого вреда, и стала умолять, чтобы ее отпустили, раз она такая смелая. Но все было напрасно. Она должна была сесть снова. Тогда помощник палача захотел взять меч у мастера Вальтера и обезглавить ее сам. Однако палач не разрешил это сделать и сам нанес еще один удар. Этот удар был сильнее, и бедняжка упала со стула.

Только с третьего уда-

ра палач отрубил голову лежащей на эшафоте женщине. Палач не осмелился получить положенную ему за работу плату сразу, иначе его бы забросали камнями до смерти. Только вооруженная городская стража спасла его от ярости толпы. В него уже кидали камни, и голова его была разбита ими до крови»²⁹.

27 июня 1665 г. другого палача посадили в мешок за неудачную казнь одной женщины. После пяти ударов она все еще кричала. В конце концов, ей отрубили голову, когда она уже лежала ничком на земле. Еще один «умелец» – Йохан Видман – в 1717 г. чуть не отрубил руки своему помощнику, когда тот пытался удержать сопротивлявшегося осужденного³⁰.

Даже опытные палачи иногда давали промах. Так, например, в 1699 г. палач Шарль Сансон де Лонгваль лишь с третьего удара мечом смог отделить голову от тела Анжелики Николь Тике,

Обезглавливание протестанта Ганса Мизеля в Вартаузене в 1571 г.
Гравюра XVII в.

приговоренной к смерти за организацию убийства своего мужа³¹.

Поскольку казни были массовым действием, приходилось считаться и с реакцией народа: за неудачный удар палач мог быть растерзан толпой. Поэтому согласно, например, бамбергскому законодательству, перед каждой казнью судья провозглашал, что никто, под страхом наказания, телесного и имущественного, не должен палачу чинить никакого препятствия, и если удар у него не получится, то никто не смеет поднимать на него руку³².

История знает случаи, когда приговоренный отказывался встать на колени и палачу приходилось выказывать все свое искусство. В 1766 г. окружной суд г. Аббевиля во Франции приговорил молодого дворянина Франсуа-Жана Лефевра де ла Барра к смерти по надуманному обвинению в богохульстве, оскорблении Богоматери и святых. Для совершения казни из Парижа был выписан знаменитый палач Шарль-Анри Сансон.

Перед казнью де ла Барр заявил, что не встанет на колени, так как не считает себя преступником, и будет дожидаться смерти стоя. Смущенный палач не знал что делать. Тогда де ла Барр воскликнул: «Рубите же!» Сансон, изловчившись, нанес удар так точно и с такой силой, что голова еще несколько секунд держалась на туловище перед тем, как упасть к ногам³³. Заметим, что в 1905 г. в память о религиозной нетерпимости при «старом режиме» в Париже на Монмартре невинно казненному был установлен памятник с надписью: «Шевалье де ла Барру, казненному в возрасте 19 лет 1 июля 1766 года за то, что не снял шляпу при прохождении церковной процессии»

Казнь не всегда проходила столь удачно. Наверняка Ш.-А. Сансон всю жизнь помнил свою первую казнь, когда на эшафот взошел генерал-лейтенант и главнокомандующий войсками в Восточной Индии Томас-Артур де Лалли-Толлендаль (1702–1766). Он должен был лишиться головы за измену королю Людовику XV.

Первый удар палач нанес по затылку, но меч скользнул по длинным волосам осужденного и нанес глубокую рану. Приговоренный упал навзничь, но в ту же минуту встал. Тогда отец экзекутора – старый палач Жан-Батист Сансон выхватил залитый кровью меч из рук сына и одним ударом отсек голову³⁴.

Палач был заметной фигурой среди городских служащих и получал фиксированную оплату за свою работу, а также часть имущества осужденного. «Магистр высоких дел провинции Голландия с резиденцией в славном городе Гарлеме» – только этот заплечных дел мастер мог официально приводить приговоры суда в исполнение на всей территории провинции. За свою работу он получал сдельную оплату. Так, обезглавливание стоило 3 гульдена, к которым добавлялись 9 гульденов за погребение тела³⁵.

Старшиной над немецкими палачами долгое время был Франц Шмидт (1555–1634), также известный как «Майстер Франц». Он родился в баварском городе Хофе, и свое ремесло унаследовал от отца, которого сделал палачом в 1554 г. Альбрехт II маркграф Бранденбург-Кульмбахский, посмертно прозванный Алкивиадом. Маркграфу нужно было казнить трех злодеев, якобы покушавшихся на его жизнь, и он выдернул Шмидта-старшего из толпы зевак, собравшихся поглазеть на зрелище. Почему там

не было настоящего палача – история умалчивает. Вероятно, дело происходило посреди военного лагеря.

Профессия палача несла с собой мистическое бесчестие. Палачей не просто избегали, само их прикосновение (или случайное прикосновение к ним) разрушало некую таинственную субстанцию чести. Известны случаи, когда приговоренные к казни дворяне настойчиво требовали, чтобы рука палача к ним не прикасалась (разумеется, это не относилось к удару меча или топора). В 1546 г. в Базеле некий ремесленник покончил с собой после того, как в пьяном виде столкнулся на темной улице с палачом. Некий плотник из Оппенгейма в 1490 г. был объявлен «бесчестным» после того, как из любопытства тронул меч палача. Извлекая пользу из нужды, он сам стал палачом.

Основатель династии знаменитых французских палачей Сансонов – офицер королевской гвардии Людовика XIV шевалье Шарль Сансон де Лонгваль – в 1680 г. имел счастье (или несчастье) обнять и поцеловать на улице красотку, которая, оказалась, была дочерью парижского палача Лерассёра. Сансону пришлось жениться на девушке, поскольку ее отец угрожал ему смертью. Кроме того, гвардейцу, запятнавшему себя общением с семьей палача, не было места в королевской охране. Получив немалое приданое, спустя восемь лет Сансон унаследовал и профессию своего тестя, получив при этом королевскую привилегию на исполнение приговоров в Париже.

Кроме своих прямых обязанностей, палач выполнял еще много всякой грязной работы: очистку городских стоков, истребление бродячих животных, надзор над гулящими женщинами, изгнание бродяг из города и т. п.³⁶

В 1573 г. Франц Шмидт провел свою первую самостоятельную казнь, вздернув некоего Леонарда Русса, осужденного за кражу. Через пять лет он перебрался в Нюрнберг, где стал помощником городского исполнителя приговоров. Он женился на его дочери Анне Бек (ум. 1600), а после смерти тестя унаследовал его должность, а с ней и немалые доходы. В Нюрнберге главный палач зарабатывал почти как судья, что позволяло ему вести жизнь весьма зажиточного бюргера³⁷.

Кроме того, у Шмидта были и другие источники дохода. Так, палачи торговали частями трупов и разными снадобьями, приготовленными из таковых: им приписывались разно-

образные целебные свойства, они использовались в качестве амулетов. Более того, сплошь и рядом палачи практиковали как лекари: они могли диагностировать и лечить внутренние болезни и травмы не хуже, а зачастую лучше других специалистов в этой области – банщиков, цирюльников, даже ученых медиков.

Поскольку палач много имел дел с человеческим телом в самых разных его состояниях, он в результате длительных наблюдений мог приобрести значительный опыт в способах анализа состояния его органов. Разумеется, эти знания приобретались не во время пыток и казней, они требовали отдельного специального изучения человеческого организма: положение палачей имело то преимущество, что у них был неограниченный легальный доступ к трупам, которые они могли препарировать в познавательных целях, в то время как врачи долгое время были лишены такого права – для анатомических штудий они тайно покупали трупы у тех же палачей. Борясь с серьезной конкуренцией, медики регулярно требовали от властей запретить палачам врачебную практику. Эти усилия, однако, как правило, не увенчивались долговременным успехом: репутация «запечных дел мас-

Дом палача в мостовой башне в Нюрнберге. Фотография 1890-х гг.

Франц Шмидт готовится обезглавить осужденную.
Прорисовка с рисунка 1584 г.

теров» как хороших лекарей была высока, и среди их клиентов были, в том числе, представители знати, которые сами же саботировали запреты, издаваемые теми органами власти, в которых они заседали. В своем дневнике Франц Шмидт отмечал, что за годы своей работы оказал около 15 000 разного рода консультаций. Эта цифра выглядит завышенной, но не фантастической – в среднем по 340 консультаций в год³⁸.

Мастер Шмидт старался создать себе репутацию человека, хоть и занятого страшным ремеслом, но порядочного. В отличие от своих коллег, Шмидт не пьянствовал и жил очень скромно в предоставленном ему городом доме на каменном мосту через реку Пегниц. В своих глазах он был человеком, выполняющим важную общественную функцию. Он наладил хорошие отношения с церковными властями. Семеро его детей посещали школу при церкви Св. Зебальда. Вместе с несколькими духовными лицами он добился от магистрата облегчения участи матерей-детоубийц: их стали казнить мечом вместо утопления. Всего он казнил 361 преступника, а наказаниям в виде отсечения пальцев, отрезания ушей, порке розгами и т. п. подверг 345 человек³⁹.

Свою «трудовую деятельность» на поприще правосудия Франц Шмидт закончил в 1617 г. Перед этим он обратился с прошением к императору Священной Римской империи германской нации Фердинанду II об освобождении его от обязан-

ностей палача и о восстановлении чести семьи. Его просьба была удовлетворена. После смерти он был погребен в освященной земле, на старинном и престижном городском кладбище Св. Роха (*Rochusfriedhof*), где покоятся останки художника Альбрехта Дюрера, поэта и драматурга Ганса Сакса и других знаменитых людей. На надгробной плите сохранилась металлическая пластина с надписью о том, кому принадлежит захоронение, и гербом Шмидта – человек с молотком в руке держит щит с тремя шестиконечными звездами⁴⁰.

Нюрнбергскому палачу посвятил одноименное стихотворение Федор Сологуб (1908):

Кто знает, сколько скуки
В искусстве палача!
Не брать бы вовсе в руки
Тяжелого меча.

И я учился в школе
В стенах монастыря,
От мудрости и боли
Томительно горя.

Но путь науки строгой
Я в юности отверг,
И вольною дорогой
Пришел я в Нюрнберг.

На площади казнили:
У чьих-то смуглых плеч
В багряно-мгlistой пыли
Сверкнул широкий меч.

Меня прельстила алость
Казнящего меча
И томная усталость
Седого палача.

Пришел к нему, учился
Владеть его мечом,
И в дочь его влюбился,

И стал я палачом.

Народною боязнью
Лишенный вольных встреч,
Один пред каждой казнью
Точу мой темный меч.

Один взойду на помост
Росистым утром я,
Пока спокоен дома
Строгий судия.

Свяжу веревкой руки
У жертвы палача.
О, сколько тусклой скуки
В сверкании меча!

Удар меча обрушу,
И хрустнут позвонки,
И кто-то бросит душу
В размах моей руки.

И хлынет ток багряный,
И, тяжкий труп влача,
Возникнет кто-то рдяный
И темный у меча.

Не опуская взора,
Пойду неспешно прочь
От скучного позора
В мою дневную ночь.

Сурово хмуря брови,
В окошко постучу,
И дома жажда крови
Приникнет к палачу.

Мой сын покорно ляжет
На узкую скамью.

Опять веревка свяжет
Тоску мою.

Стенания и слезы, –
Палач – везде палач.
О, скучный плеск березы!
О, скучный детский плач!

Кто знает, сколько скуки
В искусстве палача!
Не брать бы вовсе в руки
Тяжелого меча!⁴¹

За свою 45-летнюю «трудовую деятельность» Франц Шмидт провел 187 казней через обезглавливание. Рука его была настолько тверда, что повторный удар мечом пришлось наносить только лишь в четырех случаях. Эти, с позволения сказать, производственные накладки палач приписывал проискам нечистой силы и честно фиксировал в своем дневнике.

Шмидт считался высококлассным специалистом в своем деле. Его часто приглашали для исполнения приговоров в другие города, где не было своего палача. Он получал дополнительную плату за каждую казнь или пытку, помимо своего постоянного жалованья. Ему платили даже в том случае, если в последнюю минуту казнь откладывалась или вообще отменялась.

В день казни Шмидт приходил в тюрьму и стучал в камеру заключенного. Принося формальные извинения, он связывал жертве руки и накидывал ему на плечи белый плащ. Затем заключенного вели в комнату суда, чтобы зачитать приговор.

В сопровождении двух стражников на лошадях и двух священников преступника отправляли к одному из двух мест казни в Нюрнберге – к «Высокой виселице» или к «Вороньему камню». Если заключенный был болен или стар, то его везли в повозке. Преступников, совершивших особо страшные злодеяния, связывали и тащили к месту казни на бычьей шкуре или деревянных санях, на которых вывозили нечистоты за пределы городских стен, рискуя при этом, что тот разобьет по дороге о мостовую голову и получит другие увечья. Помощник палача вез сзади гроб. При нем всегда находилось некоторое количество

спиртного, чтобы поддержать осужденного. Для особо буйных преступников в питье добавляли одурманивающие вещества.

Эшафот был сделан на высоком каменном постаменте, и осужденному приходилось подниматься по весьма крутым ступенькам. Взойдя на эшафот, палач объявлял, что тех, кто помешает совершить казнь, власти подвергнут суровому наказанию.

Осужденный имел право обратиться к толпе с последним словом. Затем он вставал на колени. В это время палач, находящийся сзади, заносил меч, чтобы нанести смертельный удар. Через секунду преступник либо лишался головы, либо видел лезвие меча, мелькнувшее над ним. В последнем случае это означало, что он помилован и смертная казнь заменена другим наказанием.

Интересно, что Шмидт старался не связывать своих жертв. Они могли метнуться в сторону, пошевелиться, попытаться уклониться от удара смертоносного клинка. Это бы сделало первый удар неэффективным. Однако Шмидту редко приходилось поднимать меч дважды, он всегда мастерски направлял свое смертоносное оружие.

Как уже отмечалось выше, обезглавливание считалась более гуманной и благородной смертью, чем повешение. Так, например, в 1609 г. две дочери одного бюргера обратились к Шмидту, чтобы он отрубил голову их отцу, так как их женихи откажутся на них жениться, если он будет повешен⁴².

Как бы это ни показалось странным, сам Шмидт был очень гуманным для своего времени человеком. До 1513 г. женщин, уличенных в прелюбодеянии, закапывали живыми в землю, позднее – топили. Шмидт выступил за то, чтобы их обезглавливали, и таким образом смерть их была быстрой и милосердной. Он настаивал на этом, хотя его противники говорили, что слабые, в отличие от мужчин, женщины будут падать в обморок и добивать их придется на земле. Чтобы подстраховаться, Шмидт первым придумал привязывать женщин к стулу и в таком положении отрубал им голову мечом.

Шмидт умел читать и писать, вел дневник, впервые опубликованный в 1801 г., откуда можно почерпнуть много любопытных фактов о казнях в средневековом немецком городе. Останемся лишь на казнях мечом. 26 января 1580 г. он записал в дневнике о казни трех женщин, приговоренных к смерти за де-

тоубийство. Двадцатидвухлетняя Агнесс Ленген удушила своего младенца и спрятала в куче мусора, ее ровесница Элизабет Эрнстин проломила череп ребенку и спрятала тело в сундуке. Маргарет Дорфлерин родила в саду и оставила дитя умирать на холоде. Все три женщины были обезглавлены мечом, а их головы прибили к виселице в знак того, что до этого момента женщин в Нюрнберге не обезглавливали⁴³.

Госпожа фон Пlobен попросила свою служанку Маргарет Бокин вычесать из ее головы вшей. Служанка избавила свою госпожу от паразитов радикальным способом. Она подошла к ней с топором и нанесла смертельный удар по затылку. 16 августа 1580 г. ее на телеге привезли к эшафоту. Шмидт дважды раскаленными щипцами вырвал куски мяса из ее тела, а потом обезглавил убийцу. Труп был закопан прямо под эшафотом, а голову выставили рядом на шесте⁴⁴.

Анна Бишоффин уже имела два клейма на каждой щеке. Ее прогнали из города Вюрцбурга. Анна на коленях просила сохранить ей жизнь, говорила, что беременна, но ее все равно приговорили к смерти за поджог фермы. Шмидт обезглавил ее, голову выставил на эшафоте, а тело закопал⁴⁵.

Другая горожанка – замужняя Анна Пейелштайнин обвинялась в плотском сожитии с отцом и сыном, которые были к тому же женаты. Прелюбодейку казнили мечом, а ее мужа-рогоносца выгнали из города⁴⁶.

Барбара Вагнерин дала своему мужу отравленную овсянку, чтобы выйти после его смерти замуж за некоего Конрада Цвикеля. Сама же она съела три маленьких ложки каши, чтобы на нее не пало подозрение. Однако преступление было раскрыто. Суд выяснил, что Цвикель был не единственным мужчиной в ее жизни, у нее была сексуальная связь с восемнадцатью другими мужчинами, многие из которых были женаты, что утяжеляло преступление. Шмидт «из милости» обезглавил преступницу, а не повесил⁴⁷.

Должны были вздернуть на виселицу и Агнесс Роззнерин. «Бедное создание... у нее была кривая шея»⁴⁸, – сочувственно написал в дневнике палач, из жалости обезглавив несчастную.

За 44 года своей службы нюрнбергский палач, как уже отмечалось выше, казнил 361 преступника, в их числе 42 женщины. Самый «напряженный» для него год был 1580, тогда ему при-

шлось лишить жизни 20 человек. Среди них были двое убийц (их колесовали), еще двух убийц и девятых воров повесили, а остальных обезглавили⁴⁹. В то же время он отмечал в дневнике, что его предшественнику на посту городского палача пришлось потрудиться не в пример больше. За двадцать четыре года своих трудов на ниве правосудия он обезглавил 1159 человек, не считая умерщвленных другими способами.

В дневнике Франца Шмидта содержится много других памятных записей. В 1576 г. он сделал заметку о казни некоего Ганса Пайгеля, который совершил три убийства: «Я отрезал ему уши и выпорол, а сегодня в Форхайме (городке в 18 милях от Нюрнберга. – *Авт.*) отрубил ему голову»⁵⁰.

6 августа 1579 г. Шмидт обезглавил трех грабителей. Палач записал в дневнике, что почтенная бюргерша фрау Дитерих только перед казнью обнаружила, что один из них является ее мужем («она обнимала [его] и целовала, ибо она не знала, что ее муж был арестован и что он был таким человеком»)⁵¹.

10 августа 1581 г. Шмидт казнил «Георга Шёрпффа, развратника, которого обвиняли в содомском грехе с четырьмя коровами, двумя телятами и овцой. Я отрубил ему голову в Вельне за его противоестественный грех. Впоследствии его тело сожгли вместе с коровой»⁵². Что стало с остальными животными, дневник умалчивает.

Другая запись в дневнике гласит: «13 августа лета 1594-го. Ткач Кристоф Майер и Ганс Вебер, торговец фруктами, оба граждане Нюрнберга, каковые в течение трех лет занимались содомией, были пойманы за их занятием подмастерьем скобяных дел мастера... Ткач был казнен мечом, а потом его тело было предано огню вместе с торговцем фруктами, который был сожжен живым»⁵³.

Шмидт также написал о необычном деле Георга Прауна, который ограбил своего спутника. В Вене он украл его багаж с вещами и пару белых чулок. Палач обезглавил его 14 сентября 1602 г., но когда отрубленную голову положили на камень, «она несколько раз повернулась, будто хотела осмотреться, высунула язык, открыла рот, как будто хотела что-то сказать; все это продолжалось несколько минут; я никогда не видел ничего подобного»⁵⁴.

23 июня 1612 г. Шмидт казнил педофила Андреаса Фейерштейна, который вместе со своим отцом содержал школу, в кото-

рой умудрился изнасиловать шестнадцать учениц в возрасте от 6 до 11 лет. Его обезглавили мечом «из милости»⁵⁵.

Андреаса Брунера осудили за богохульство, он ругал Всевышнего за грозу. Палач вырвал ему язык и прибил осужденного к эшафоту, чтобы толпа могла поиздеваться над ним. Затем ему отрубили голову⁵⁶. Карманник и убийца Ганс Дитц пел всю дорогу до места казни, в то время как не менее оптимистично настроенный конокрад Ганс Порстнер с шутками и прибаутками предлагал 5 флоринов и пару башмаков помощнику палача, если он поменяется с ним местами⁵⁷.

После ухода Шмидта на заслуженный отдых в Нюрнберге было еще несколько палачей-виртуозов своего дела. Так, 20 октября 1645 г. Матиас Пергер отрубил не только голову преступника, но

Казнь обезглавливанием в Генте.
Гравюра из книги «Белый король». Начало XVI в.

и обе его руки, которые тот поднял в последний момент. Другой палач одним ударом отрубил головы двум преступникам сразу.

Вообще немецкие палачи были во многом новаторами в своем ремесле. Так, несколько позднее, в Лейпциге палач организовал хоровое пение, которое сопровождало казнь. Хормейстером при этом был не кто иной, как сам Иоганн Себастьян Бах. Может быть, именно отсюда фашисты позаимствовали традицию музыкального сопровождения своих кровавых экзекуций.

Казнь голландских крестьян обезглавливанием.
Гравюра из книги «Белый король». Начало XVI в.

**Обезглавливание знатных изменников во время
Крестьянской войны в Германии. Гравюра 1525 г.**

Иногда палачам приходилось проводить массовые казни. Так, например, после поражения крестьянского войска во главе с Томасом Мюнцером рыцарской армией в сражении под Франкенхаузенем начались казни побежденных. Несколько палачей работали буквально не покладая рук. Сохранился счет за работу, выставленный одним из них, по прозвищу Филин: «Общая сумма, таким образом, составляет: 80 обезглавленных, 69 тех, кому выкололи глаза и отрубили пальцы – 114 флоринов и два медяка. Из этого следует вычесть 10 флоринов, полученных от горожан Ротенбурга, 2 флорина, полученные от Людвига фон Гуттена, – остается 102 флорина. К этому надо добавить плату за два месяца: за каждый по 8 флоринов – 16 флоринов, что составляет 118 флоринов и два медяка»⁵⁸. Естественно, что при таких экзекуциях палачу необходимо было иметь запасные мечи, так как один меч достаточно быстро затупился бы.

**Обезглавливание. Миниатюра
из «Люцернской хроники». Начало XVI в.**

До своеобразного рекорда, поставленного Филином, немного не дотянул гамбургский палач.

В XIV в. на Балтике свирепствовали «витальеры» («виталийские братья») – так называли пиратов, состоявших в так называемом «Братстве жизни», обосновавшемся на острове Готланд.

Главой пиратов был уроженец Кенигсберга – Клаус Штёртебекер. После длительной морской войны Ганзейского союза с пиратами гамбургский флот 22 апреля 1401 г. одержал победу над «братьями» и взял их главаря и его команду в плен. В октябре того же года пленники были казнены. В последнем слове Штёртебекер предложил судьям: пусть его казнят первым и отпустят тех его товарищей, мимо которых он сумеет пройти в обезглавленном состоянии. Будучи невероятно сильным, пират сумел (вернее сказать, его тело) пройти мимо дюжины других морских разбойников, ожидающих своей участи. Казненный прошел бы еще дальше, если бы городской палач Розенфельд (*Meister Rosenfeld*) не подставил ему подножку.

Впрочем, судьи просьбу Клауса не выполнили. Казнены были все 72 захваченные в плен витальера. Отрубленная голова Штёртебекера была прибита большим гвоздем к столбу и долго «украшала» площадь гамбургского порта. Позднее череп пирата, пробитый огромным гвоздем, хранился в городском музее, откуда его похитили в 2010 г.

Кстати, сам палач Розенфельд получил похвалу за быстрое и безошибочное проведение стольких казней подряд. В ответ он сгоряча заявил, что мог бы без передышки продолжить и казнить «хоть весь городской совет». За это энтузиаст меча был

подвергнут аресту, а по другим сведениям его самого приговорили к смерти⁵⁹.

После поражения чешских протестантов 8 ноября 1620 г. в битве при Белой Горе в Праге на Староместской площади были казнены двадцать семь знатных чешских дворян. Их приговаривали к смерти за организацию мятежа против власти Габсбургов. Большинству (21 человеку) из них отрубили мечом головы. Казнь состоялась 21 июня 1621 г. (невольно подумаешь о магии цифр!) и продолжалась с 5 до 10 утра. Палачу ассистировали шесть помощников, которые стаскивали с эшафота трупы и посыпали песком лужи крови. В этот день городской палач Ян Мыдларж⁶⁰ установил в некотором смысле личный рекорд по числу исполненных им приговоров. За время казни он сменил четыре затупившиеся меча, ни разу не промахнувшись.

Трем осужденным (Онждею Шлику, Богуславу из Микаловича и Лендеру Риплу) перед отсечением головы были отрублены правые руки. Доктору Иоганнесу Есениусу, ректору Пражского университета, перед казнью вырвали язык. Отрубленные головы были выставлены в разных районах города на всеобщее обозрение, при этом руки и язык были прибиты к головам казненных⁶¹.

В некоторых случаях обезглавливание завершало собой мучительную квалифицированную казнь. В 1590 г. в Англии бы-

Казнь на Староместской площади 21 июня 1621 г. Гравюра XVII в.

ла напечатана брошюра, рассказывающая о злодеяниях и казни «бедбургского оборотня» Петера Штубба⁶². В течение двадцати пяти лет он под видом «человека-волка» убил множество людей. (Сразу вспоминается рыбник-оборотень из романа Шарля де Костера «Тиль Уленшпигель», убивавший под личиной волка людей вафельными щипцами.) В брошюре была помещена гравюра, на которой дотошный художник изобразил последовательно все стадии казни. Вначале Штубб – крепкий, атлетического сложения мужчина, был раздет почти догола и привязан к колесу. В следующих сценах палачи рвут его тело раскаленными щипцами и ломают кости на колесе.

**Казнь «бедбургского оборотня»
Петера Штубба. Гравюра. 1589 г.**

Центральный сюжет гравюры – обезглавливание оборотня. Колесо приподнято под углом, чтобы голова осужденного возвышалась над землей. Палач наносит смертельный удар, голова скатывается с плеч, из перерубленных артерий хлещет фонтан крови. Приговор приведен в исполнение характерным мечом с закругленным концом. На левом бедре палача на перевязи висят ножны от меча.

Тело казненного Штубба было привязано к столбу. Справа и слева от него при-

кручены к столбам две его сообщницы – кума и дочь. По приговору суда их сожгли заживо вместе с останками «человека-волка». Голову преступника воткнули на железную спицу над колесом, которое поместили на высоком столбе. Под головой установили фигуру волка⁶³.

Казни через обезглавливание мечом удостаивались многие известные люди и высочайшие особы. Достаточно вспомнить казнь нидерландских патриотов графов Филиппа Горна и Ламораля Эгмонта 5 июня 1568 г.

Самая известная погибшая, как говаривал Иван Грозный, от «мечного сечения» – английская королева Анна Болейн (1533–1536), вторая жена Генриха VIII (1509–1547). Она не смогла родить ему долгожданного наследника, была обвинена в ряде преступлений и приговорена к смерти – либо через сожжение на костре на Тауэр-Хилл, либо через обезглавливание, в зависимости от соизволения короля.

Казнь назначили на третий день после суда. Сохранившиеся документы Государственного архива Великобритании свидетельствуют, что несчастная женщина то впадала в истерику, то проявляла чудеса самообладания. В истерике она заходилась хохотом и все время ощупывала свою необычайно тонкую шею так, как будто ей была невыносима сама мысль о том, что ее перерубит топор. Король проявил «милосердие» и заменил для своей супруги костер лишением головы. Более того, Генрих VIII как истинный кавалер отправил гонца в городок Сент-Омер под Кале с приказом привезти палача с мечом, чтобы тот совершил казнь на французский манер. Возможно, что на это решение повлияло то, что Анна воспитывалась при французском дворе и отличалась утонченными манерами. Сохранилось даже упоминание о плате этому палачу – 32 фунта, 6 шиллингов и 8 пенсов, что составляло немалую по тем временам сумму.

В два часа ночи 18 мая 1536 г. Анну Болейн разбудили и отвели в часовню, где ее ожидали три священника. Они исповедовали и причастили королеву. В семь часов утра она села завтракать со своими перепуганными и заплаканными фрейли-

**Анна Болейн. Портрет работы неизвестного художника.
Ок. 1533–1536 гг.**

нами. Потом она попрощалась со своими приближенными, время шло, но за Анной все не приходили. Оказалось, что казнь перенесли на полдень. Королева вызвала к себе констебля Тауэра Вильяма Кингстона. «Мистер Кингстон, – обратилась она к нему, – я слышала, что не умру до полудня, и весьма об этом сожалею, так как думала, что к этому времени буду уже мертва, и боль пройдет». «Вам не будет больно, мадам, – ответил Кингстон. – Все выполняют аккуратнейшим образом». «Я слышала, что палач весьма умелый, к тому же у меня тонкая шея», – сказала Анна. Королева даже придумала себе прозвище *Anna Sans Tête* («Анна без головы»).

Ее спокойствие поразило констебля, который написал первому министру короля Томасу Кромвелю следующее: «Я видел множество мужчин и женщин, приговоренных к казни, и все они находились в великой печали. Но эта дама ведет себя весьма весело и радуется смерти»⁶⁴.

Днем королеву ожидало очередное разочарование. Ей сообщили, что казнь перенесена на следующее утро. Анне Болейн пришлось пережить еще одну ужасную ночь перед смертью. Рано утром 19 мая в пятницу Кингстон разбудил королеву и попросил приготовиться к смерти. Он вручил ей кошелек с деньгами. Она должна была разделить их между палачом и его подручными. Фрейлины одели королеву в серое льняное платье с горностаевым воротником. Около девяти часов пришел Кингстон и сообщил, что все готово.

Печальная процессия двинулась из королевских покоев Тауэра к эшафоту на Тауэр-Грин. Первыми шли двести гвардейцев с алебардами, за ними следовал палач из Кале. Затем следовали официальные власти, а за ними уже шла королева в сопровождении священника Терлуолла и преданной фрейлины Маргарет Ли. На поясе у нее висела золотая цепь с крестом, а в руках был молитвенник в золотом переплете. Королева все время оборачивалась и как будто ждала какой-то вести. Возможно, она надеялась, что ее супруг смиростивится и отменит казнь.

Эшафот в пять футов высотой (специально низкий) был огражден невысокими перилами и устлан соломой. На площадке перед эшафотом установили помост с креслом для дяди королевы, герцога Норфолка. Рядом с ним сидели гоф-маршал и министр Кромвель, а также придворные. Согласно установленному

Казнь Анны Болейн. Гравюра XVI в.

порядку Анну официально передали шерифам, которые повели ее на эшафот. Перед тем как подняться по ступням, она еще раз попрощалась со своими фрейлинами и попросила их не терять мужества. Затем Анна произнесла короткую речь, в которой восхваляла короля. Она обнажила шею и убрала волосы в холщовый чехол.

Встав на колени, она в течение двух минут тихо молилась. По окончании молитвы Анна встала и зажмурилась. Миссис Ли завязала ей глаза платком. Анну вновь поставили на колени. Палач снял башмаки, чтобы она не услышала звука его шагов и в последний момент не дернулась перед ударом меча. «Господи, прими мою душу!» – воскликнула королева. Палач достал свой меч, спрятанный до этого момента в соломе. Неслышно ступая по эшафоту ногами в чулках, он приблизился к своей жертве и жестом показал, чтобы один из его подручных подошел к королеве с противоположной стороны. Анна почувствовала движение и слегка повернула голову. В то же мгновение опытный палач нанес удар, а уже через секунду поднял отрубленную голову Анны. По толпе зрителей пронесся вопль ужаса. Легенда гласит,

что губы и веки королевы еще немного шевелились, но то же самое часто говорили и о других казненных⁶⁵.

Толпа постепенно разошлась, а у тела казненной остались лишь ее фрейлины. Никто из властей не позаботился ни о гробе, ни о похоронах тела казненной королевы. Наконец, какой-то стражник принес из расположенного поблизости арсенала старый ящик для стрел, сделанный из вяза. Фрейлины уложили туда тело и голову, предварительно обернув ее в кусок холста, и отнесли импровизированный гроб в расположенную рядом церковь Святого Петра в оковах (Сент-Питер-ад-Винкула)⁶⁶.

В настоящее время в оружиеведении под мечом правосудия подразумевается два вида мечей. Церемониальный судейский меч, который использовался при объявлении приговоров, также был атрибутом высшей юридической власти. Такие мечи могли относиться как к регалиям светских лиц, наделенных судебной властью (императоров, королей, курфюрстов и т. п.), так и к атрибуту судей.

Постепенно понятие меча правосудия трансформировалось и на меч палача, использовавшийся непосредственно при исполнении приговоров. Конструкция и декор и тех и других мечей в XVI–XVII вв. становятся практически одинаковыми. Их украшают изображениями богини Правосудия, сценами жестоких казней, нравоучительными и назидательными надписями и т. п. Многие из мечей правосудия этого времени сделаны лучшими мастерами клинкового дела и являются ценнейшими образцами оружейного мастерства.

¹ Обнорский Н.П. Немезида // Энциклопедический словарь Брокгауза и Ефрона: в 86 т. СПб., 1897. Т. XXа (40): Наказный атаман – Неясыти. С. 869–870. Заметим, что Фемида – богиня правосудия – изображалась греками не с мечом, а с рогом изобилия в руке. Аналогично римская богиня Юстиция получила в качестве атрибутов меч и весы. Меч – символ духовной силы, воздаяния; в руках Фемиды он символ возмездия. Меч держится острием вверх, что указывает на «волю небес», высшую справедливость, а также на постоянную готовность его применения. Меч богини – обоюдоострый, поскольку закон не только карает, но и предупреждает. Держащая его рука – правая: это сторона действия, символ силы, «правого дела» (Лосев А.Ф. Фемида // Мифы народов мира. М., 1992. Т. 2. С. 560).

² Уизерс Х.Дж.С. Мечи и сабли. Иллюстрированная энциклопедия. М., 2011. С. 41

³ Peter Finer Auktion. London, 2008. № 20. P. 129–232.

- ⁴ Королевские драгоценности Лондонского Тауэра. Лондон, 2006. С. 10
- ⁵ Бехайм В. Энциклопедия оружия. СПб., 2005. С. 200.
- ⁶ Лайбле Т. Меч. Большая иллюстрированная энциклопедия. М., 2008. С. 92.
- ⁷ Cawthorne N. Public Executions. From Ancient Rome to the Present Day. London, 2006. P. 63.
- ⁸ Torture and Punishment. London, 2003. P. 28.
- ⁹ Аналогичная надпись выгравирована на клинке меча, проданного на аукционе в Мюнхене в 2012 г. Кроме того, над надписью помещается изображение богини правосудия с надписью по латыни: «Prudentia» (предвидение, благоразумие, рассудительность) (Hermann Historica. Auktion 64. München, 2012. № 2059. S. 350).
- ¹⁰ Hermann Historica. Auktion 65. München, 2012. № 1175. S. 362.
- ¹¹ Орел и лев. Россия и Швеция в XVII в. Каталог выставки. М., 2001. С. 62. № 20.
- ¹² Müller H., Kölling H. Europäische Hieb und Stichwaffen. Berlin. 1990. S. 227, 383; Харрис В., Коэ М.Д., Коннолли П. и др. Холодное клинковое оружие. М., 2006. С. 52
- ¹³ Шарль-Анри Сансон (1739–1806) – потомственный палач из династии Сансонов. Полный титул – шевалье Шарль-Анри Сансон де Лонваль (Chevalier Charles-Henri Sanson de Longval). Шарль Анри Сансон – сын палача Шарля Жана-Батиста Сансона и его первой жены Мадлен Тронсон. В 1754 г., после того как его отца поразил паралич, вынужден был исполнять его обязанности. Он еще в отрочестве с ужасом убедился, что ему придется стать палачом, подобно отцу и дедам. По отзыву немногих знавших его людей, Шарль Анри, в молодости пытавший и колесовавший осужденных, а на старости их гильотинировавший (пытку отменила революция), был «чрезвычайно добрый, кроткий, привлекательный человек», щедро раздававший милостыню тем бедным, которые им не гнушались. Тон, одежда, манеры у него были в высшей степени джентльменские, и со своими клиентами он всегда бывал изысканно любезен. Шарль Анри Сансон провел в общей сложности 2918 казней, включая и казнь короля Людовика XVI (Christophe Robert. Les Sanson, bourreaux de père en fils, pendant deux siècles, Arthème Fayard, Paris, 1960).
- ¹⁴ Бехайм В. Указ. соч. С. 200.
- ¹⁵ The Book of Execution: an Encyclopedia of Methods of Judicial Execution. London, 1994. P. 234–235.
- ¹⁶ Thomas Del Mar Ltd in association with Sotheby's. Antique Arms, Armour and Militaria. London, 2014. № 181. S. 76.
- ¹⁷ Bezdek Richard H. German swords and sword makers. Edger Weapon Makers from the 14th to the 20th Centuries. Boulder, 2000. S. 61.
- ¹⁸ Следует отметить, что Н.Е. Бранденбург описал этот меч как принадлежавший «одному из тайных судилищ» (Бранденбург Н.Е. Исторический каталог Санкт-Петербургского Артиллерийского музея. СПб., 1889. Ч. III. С. 175. № 324). Эту же точку зрения повторил Д.П. Струков (Струков Д.П. Путеводитель по Артиллерийскому историческому музею. СПб., 1912. С. 92. № 627).
- ¹⁹ Бехайм В. Указ. соч. С. 200–201.
- ²⁰ Ефимов С.В., Рымша С.С. Оружие Западной Европы XV–XVII вв. СПб., 2009. Кн. I. С. 381.
- ²¹ Zaremska A. Niegodne rzemiosło: Kat w spotoczenstwie Polski w XIV–XV st. Warszawa, 1986. S. 98.
- ²² Keller A. Der Scharfrichter in der deutschen Kulturgeschichte. Bonn; Leipzig, 1921. S. 121–125.

- ²³ Бессонов Н.В. Суды над колдовством. Иллюстрированная история. М., 2002. С. 328–329.
- ²⁴ О процессе и казни Анны Гельдин см. подробнее: Hasler E. Anna Göldin, letzte Hexe. München, 1985.
- ²⁵ Амбелен Р. Драмы и секреты истории (1306–1643). М., 1992. С. 246; Бессонов Н.В. Указ. соч. С. 354.
- ²⁶ Cawthorne N. Op. cit. P. 58.
- ²⁷ Глаголева Е.В. Повседневная жизнь Франции в эпоху Ришелье и Людовика XIII. М., 2007. С. 275–276.
- ²⁸ Там же. С. 276–277.
- ²⁹ Cawthorne N. Public Executions. P. 63.
- ³⁰ Ibid.
- ³¹ Сансон Г. Указ соч. Луганск, 1993. Кн. 1. С. 173.
- ³² Левинсон К.А. Палач в средневековом германском городе: Чиновник. Ремесленник. Знахарь // Город в средневековой цивилизации Западной Европы. Т. 3. Человек внутри городских стен. Формы общественных связей. М., 1999. С. 226.
- ³³ Сансон Г. Указ. соч. С. 339.
- ³⁴ Там же. С. 331–332. Шарль Жан Батист Сансон (Charles-Jean-Baptiste Sanson) (1719–1778), парижский палач из династии Сансонов.
- ³⁵ Зюмтор П. Повседневная жизнь Голландии во времена Рембранта / Пер. с фр. М.В. Глаголева. М., 2000. С. 293–294.
- ³⁶ О «бесчестности» профессии палача и табу, связанных с этим см. подробнее: Левинсон К.А. Палач в средневековом германском городе. С. 229–231.
- ³⁷ Harrington Joel F. The Faithful Executioner: Life and Death, Honour and Shame in the Turbulent Sixteenth Century. Bodley Head, 2013. P. 3–44.
- ³⁸ Ibid. P. 185–218.
- ³⁹ Meister Frantzen Nachrichten alhier in Nürnberg all sein Richten am Leben / publ. by J.M.F.v. Ender. Nürnberg, 1801. S. 184.
- ⁴⁰ Harrington Joel F. Op. cit. P. 218–225.
- ⁴¹ Сологуб Ф. Нюрнбергский палач // Перевал. 1907. № 6. С. 3.
- ⁴² Meister Frantzen Nachrichten alhier in Nürnberg all sein Richten am Leben. S.106.
- ⁴³ Ibid. S. 11–12.
- ⁴⁴ Ibid. S. 13–14.
- ⁴⁵ Ibid. S. 18.
- ⁴⁶ Ibid. S. 22.
- ⁴⁷ Ibid. S. 97–98.
- ⁴⁸ Ibid. S. 112.
- ⁴⁹ Ibid. S. 11–14.
- ⁵⁰ Ibid. S. 5.
- ⁵¹ Ibid. S. 10.
- ⁵² Ibid. S. 14–15.
- ⁵³ Ibid. S. 60.
- ⁵⁴ Ibid. S. 90.
- ⁵⁵ Ibid. S. 113.
- ⁵⁶ Ibid. S. 153.
- ⁵⁷ Ibid. S. 117.
- ⁵⁸ Keller A. Op. cit. S. 235–236.
- ⁵⁹ См. подробнее: Wiechmann Ralf. Klaus Störtebeker? Ein Mythos wird entschlüsselt. München: Wilhelm Fink Verlag, 2003. Заметим, что рассказ о казни

Штёртебекера опирается в своей основе на средневековую немецкую легенду о том, что в 1336 или 1337 гг. некий рыцарь по имени Диц фон Шаумбург поднял восстание против своего господина герцога Людвига V Баварского (1315–1361), за что был приговорен к смерти вместе со своими слугами. Когда приговоренных привели на место казни, согласно рыцарской традиции, Людвиг спросил у Дица, каково будет его последнее желание. Тот попросил герцога отпустить его товарищей по несчастью, мимо которых он сможет пробежать с отрубленной головой. Когда палач снес голову Дицу, его тело вскочило и действительно пробежало мимо других приговоренных. Причем каждый из них стоял на расстоянии восьми шагов друг от друга. Пораженный герцог сдержал слово и приказал помиловать слуг рыцаря, хотя и был уверен, что Дицу помогал бежать сам дьявол.

⁶⁰ Пражский палач (точнее, палач Старого места – одного из трех пражских градов) Ян Мыдларж (Jan Mydlář, 1572–1664) был родом из Хрудима и происходил из семьи богатых горожан. Молва рассказывала, что будучи молодым студентом, Ян влюбился в Дороту Мыдларжову, которая, выйдя замуж за богатого мельника Адама Ванюру, отравила его, и за это ее должны были казнить. Ян напросился помогать пражскому палачу Ярошу в надежде спасти Дороту. Но ее все равно казнили, а пути назад уже не было, поскольку общение с палачом лишало Яна чести. Ярош забрал несчастного юношу в Прагу, и, чтобы не бросать на семью позорного пятна, тот взял фамилию Мыдларж. Свою первую казнь Мыдларж совершил в 1605 г., а последнюю в 1650 г. Всего он лишил жизни около 800 человек. В возрасте 77 лет он во второй раз женился, причем его избранницей стала девушка Катаржина, которая была младше его на полвека. Спустя год он передал ремесло сыну Яну Вацлаву.

⁶¹ Petraň J. Staroměstská exekuce. Praha, 1985; Левченков А.С. Последний бой чешского льва: Политический кризис в Чехии в первой четверти XVII века и начало Тридцатилетней войны. СПб., 2007. С. 271; Рипеллино А.М. Магическая Прага / Пер. с итал. И. Волковой и Ю. Галатенко. М., 2015. С. 344–349.

⁶² A True Discourse. Declaring the Damnable Life and Death of One Stubbe Peeter, a Most Wicked Sorcerer. London, 1590.

⁶³ Kremer P. Plädoyer für einen Werwolf: Der Fall Peter Stübbe // Wo das Grauen lauert. Blutsauger und kopflose Reiter, Werwölfe und Wiedergänger an Inde, Erft und Rur. Dueren, 2003. P. 247–270; Everitt D. Human Monsters: An Illustrated Encyclopedia of the World's Most Vicious Murderers. New York: McGraw-Hill, 1993. P. 15–18; Бессонов Н.В. Указ. соч. С. 140.

⁶⁴ Prisoners of the Tower. The Tower of London as a state prison, 1100–1941. London, 2004. P. 29.

⁶⁵ Cawthorne N. Op. cit. P. 55–57.

⁶⁶ Мортон Г.В. Лондон: Красота и величие столицы мира. М.; СПб., 2006. С. 104.